

ющими наметить направление этого процесса. Четверть века назад немцы в большинстве случаев при любых сочетаниях национальностей в смешанных семьях предпочитали давать детям не свою национальность, а национальность супруга. Очевидно, такой выбор в какой-то степени связан с воспоминаниями у самих немцев и окружающего их населения о Великой Отечественной войне, об истории немецкого населения СССР в 1940-х годах. Это приводило к несоответствию реального этнического самосознания некоторой части немцев с национальностью, записанной в паспорте. В современной политической ситуации в следующих поколениях происходит возвращение к национальности, адекватной этническому самосознанию. В конце 1970-х годов в Казахстане дети в немецко-казахских, казахско-немецких, немецко-украинских, украинско-немецких и русско-немецких семьях с одной супружеской парой в несколько раз чаще получали национальность отца, чем матери. Но в семьях «немец — русская» это соотношение было в пользу национальности матери. Судя по материалам, собранным нашей экспедицией, в 1980-е годы число детей от браков немцев с представителями других национальностей, записанных «немцами», возрастает. Вероятно, это результат не только снятия некоторых ограничений, связанных с режимом военного времени, которые оказывали влияние на психологию немецкого населения, но и идущих этнических процессов: усиления этнического самосознания немцев, обозначающейся тенденции к консолидации. Эти процессы должны, вероятно, несколько замедлить рост числа межнациональных браков у немцев.

С другой стороны, продолжают процессы интеграции культур народов, проживающих в республике, интернационализации их образа жизни, преодоление религиозных и этнических предрассудков как у немцев, так и у окружающих их народов — процессы, которые способствуют росту национально-смешанной брачности среди немецкого населения. В дальнейшем динамика межнациональных браков у немцев будет определяться главным образом этими двумя, в некотором смысле противоположными, тенденциями.

Е. А. Глинский

О ТЕХНИКЕ СТРЕЛЬБЫ ИЗ ЛУКА

У НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА СИБИРИ

При исследовании материальной культуры прошлого у народов Северной Сибири традиционным объектом изучения являются ручной лук и стрелы. Литература, посвященная этой теме, довольно обширна. В основном изучается конструкция древков луков или форма наконечников стрел с целью выявить их специфические особенности. Это позволяет решить многие задачи и в первую очередь связать те или иные модели с определенными этносами, т. е. рассматривать их как этномаркирующие. Но ручной лук и стрелы — сложное историко-культурное явление. При пользовании луком не меньшее значение, чем его конструкция и форма наконечников стрел, имеет техника стрельбы. В исторической литературе она сравнительно мало исследована, получив более широкое освещение в спортивных изданиях в соответствии с современными требованиями спортивной стрельбы из лука. Выделены ее следующие основные компоненты: способ надевания тетивы на древко, поза стрелка (в том числе положение корпуса, ног и головы), положение рук на древке (хват) и тетиве (захват), способы прицеливания¹. Все эти особенности влияли в первую очередь на эффективность стрельбы.

¹ Берковский Р., Юрчик С. Поет тетива. М., 1960. С. 10—15; Сборник информационно-методических материалов в помощь тренеру по стрельбе из лука. М., 1976. Вып. 3. С. 1—6; Резников В., Петросян Г. Тактическая подготовка стрелка из лука// Разноцветные мишени. М., 1981. С. 40—45; Попов В., Верховский Д. Ошибки в технике начинающих стрелков из лука исправляет рука тренера// Там же. С. 45—50; Петросян Г. Н., Резников В. Г. О положении лука при прицеливании// Разноцветные мишени. М., 1983. С. 29—32.

В данной работе мы остановимся только на анализе некоторых аспектов техники: эффективности стрельбы, а также теснейшим образом связанными с хватом и захватом защитными приспособлениями лучника по этнографическим данным у народов Северо-Востока Сибири.

Конечный результат стрельбы из любого оружия, в том числе и лука, — эффективность. Надо отметить, что данных об этом мало. В казачьей сказке, датированной 1741 г., сказано: «...чукчи ружья у себя имеют: луки костяные..., а из луков хотя и стреляют, токмо не искусно, да и стрелы плохи...»². Участники Северо-Восточной географической экспедиции Г. А. Сарычев и доктор Мерк тоже говорили о малой эффективности стрельбы. Так, Г. А. Сарычев писал: «Сие место изобиловало оленями, и потому многие чукчи ездили на охоту... Но при всем том убили только одного оленя. По сему можно судить об искусстве стрельбы (из лука. — Е. Г.) чукчей»³. Карл Генрих Мерк указывал: «Что касается стрел и лука, то они у чукчей всегда при себе, но ловкостью попадания они не обладают...»⁴. Ф. П. Врангель немного позже отмечал: «Чукчи вооружаются луками и стрелами, но не очень ловко ими владеют»⁵. Как видно, все перечисленные авторы сходились в одном: чукчи «не очень ловко» владели техникой стрельбы из ручного лука. Эти факты как бы входят в противоречие с данными о том, что, например, у чукчей еще в конце XIX в. широко проводились соревнования по стрельбе из лука⁶. К сожалению, точные правила (расстояние до цели, скорострельность, пробивная сила и т. д.) таких соревнований неизвестны. Кроме того, судя по данным о соревнованиях у других народов Северной Сибири, они, с точки зрения современного спортсмена-лучника, не способствовали совершенствованию владения луком, а носили в основном развлекательный характер⁷. Н. Н. Беретти сообщает, что толчком к интенсивному обучению стрельбе из лука послужили войны между чукчами и коряками⁸. Эти войны, как известно, в основном происходили в XVII—XVIII вв.; мы тоже приводили сообщения наблюдателей, свидетельствующие о неразвитости техники стрельбы в ту эпоху. Возникает вопрос: какова была техника стрельбы до XVII в.? На него ответа пока нет. Все приведенные нами данные характеризуют эффективность стрельбы у чукчей. Но чтобы получить общее представление о ней в рассматриваемом регионе, необходимо выяснить эффективность стрельбы и у других народов тундровой и таежной зон Северной Сибири. Здесь источники также очень скудны. Только А. Миддендорф, побывавший на Таймыре в первой половине XIX в., пишет: «Стрельбу из лука я представлял более успешной. Самоседы, которым приходится довольствоваться только этим оружием, не отличались ни ловкостью прицела, ни далекими и сильными выстрелами... Только один самоед пытался стрелять на лету поморников, которые подлетают очень близко и долго висят на одном месте... Но и он не попал в птицу»⁹.

О неумении бить птицу в лет, возможно, свидетельствует и следующее замечание А. А. Попова: «На махавки им (нганасанам — Е. Г.) требовалось 60 пар гусиных крыльев, которые добыть было непросто, поскольку на махавки годились только крылья не линяющей птицы,

² Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965. С. 38.

³ Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952. С. 259.

⁴ Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции (1785—1795 гг.). Магадан, 1978. С. 114.

⁵ Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. 1820—1824 гг. М., 1948. С. 313.

⁶ См., например: Богораз В. Г. Очерки материального быта оленных чукчей, составленные на основании коллекций Н. Л. Гондатти//Сб. Музея антропологии и этнографии. СПб., 1910. Т. II. С. 28; Вдовин И. С. Из истории общественного строя чукчей// Уч. Зап. ЛГУ. 1950. № 115. С. 97.

⁷ Оценка была произведена мастером спорта международного класса по стрельбе из лука С. Д. Ялышевым.

⁸ Беретти Н. Н. На Крайнем Северо-Востоке. Владивосток, 1929. С. 6.

⁹ Миддендорф А. Путешествие на севере и востоке Сибири. Ч. II. Север и Восток Сибири в естественноисторическом отношении. СПб., 1869. С. 600.

добываемой луками и ружьями, поэтому махавки изготавливались в течение нескольких лет»¹⁰.

По-видимому, не отличались особой меткостью стрельбы и таежные народы. Гр. Дмитриев-Садовников пишет о ваховских остяках (хантах): «...бить птицу (из ручного лука. — Е. Г.) на дальнем расстоянии... или в лет они не могут»¹¹.

Все приведенные свидетельства говорят о том, что стрельба из лука и в более поздний период была не очень эффективна. Далее следует остановиться на вопросе о том, на какое расстояние могла пролететь стрела, сохраняя свою убийную силу. В литературе принято считать, что из сложного лука (а именно такой конструкции, как правило, были луки в этом регионе) прицельную стрельбу вели на расстояние от 80 до 250 м¹². Данные о том, на какое расстояние могли стрелять народы Северо-Востока Сибири (как и всей Северной Сибири), также немногочисленны. Чукчи стреляли из ручного лука на расстояние 20—25 шагов по мелкой птице тупыми стрелами, а по «крупной» мишени — на расстоянии 30 м¹³. По замечанию А. Миддендорфа, аборигены Таймыра при охоте на дикого оленя подбегали к животному на расстояние 30 и 40 шагов¹⁴. Но даже на таком расстоянии стрела, пушечная из ручного лука, обладала малой убийной силой. Например, А. Миддендорф провел следующий эксперимент. Он ранил из ружья оленя и предложил сопровождавшим его аборигенам добить животное из лука: «...одиннадцать стрел поразили бедное животное, прежде чем оно пало. Самойды постоянно рассказывали... о северных оленях, которые были ранены и все-таки уходили. Это мне напомнило убитого спутниками Врангеля медведя, в котором сидело три стрелы от прежнего преследователя»¹⁵. И далее он прямо пишет о том, что, по его наблюдениям, действие стрел было неудовлетворительным¹⁶. Г. Н. Грачева отмечает: «Несмотря на универсальное использование луков, старались охотиться таким образом, чтобы оленя можно было достать копьем»¹⁷. Это «неудовлетворительное» действие стрел заставляет еще раз обратиться к вопросу о том, насколько широко применялся лук в качестве охотничьего оружия. Данных для выяснения мало, но М. А. Сергеев, в частности, указывал: «Менее других (народностей Севера. — Е. Г.) пользовались им (ручным луком. — Е. Г.) чукчи, у которых наземная охота была развита очень слабо и сводилась главным образом к добыче песца, происходившей без лука»¹⁸. Как видно из приведенной цитаты, значение лука у чукчей было невелико. Мы не будем останавливаться на различных орудиях и способах охоты у тундровых народов, отметим только, что наиболее эффективным способом охоты на северного оленя были «поколки», которые осуществлялись во время переправ диких оленей через реки. Орудием охоты в этом случае служили копыя. Необходимо также рассмотреть, насколько часто ручной лук как охотничье орудие использовался таежными народами. Материалов для того, чтобы ответить на этот вопрос, почти нет; только М. Б. Шатилов пишет, что в таежной зоне Западной Сибири «ручным луком промышляют исключительно на мелкого

¹⁰ Попов А. А. Орудия охоты у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // Рукописный архив Ленинградской части Института этнографии АН СССР. Ф. 14. Оп. 4. Ед. хр. 4. С. 247.

¹¹ Дмитриев-Садовников Гр. Лук ваховских остяков и охота с ним // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1915. Вып. XXIV. С. 13—14.

¹² Ср. Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953. С. 49; Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. М., 1966. С. 30—32.

¹³ Норденшельд А. Е. Плавание на «Вега». Л., 1936. Т. 2. С. 240.

¹⁴ Миддендорф А. Указ. раб. С. 600.

¹⁵ Там же.

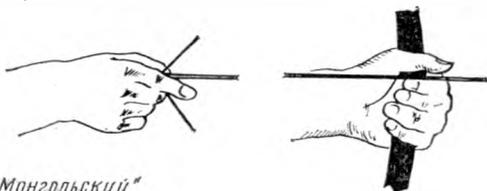
¹⁶ Там же. С. 601.

¹⁷ Грачева Г. Н. Некоторые черты хозяйственной деятельности народностей Северной Средней Сибири в прошлом и настоящем // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986. С. 99.

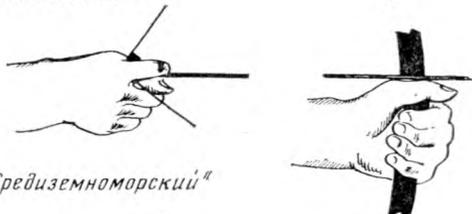
¹⁸ Врангель В. П. Указ. раб. Комментарий М. А. Сергеева на с. 437.

Способы захвата тетивы

а) «Первобытный» способ



б) «Монгольский»



в) «Средиземноморский»

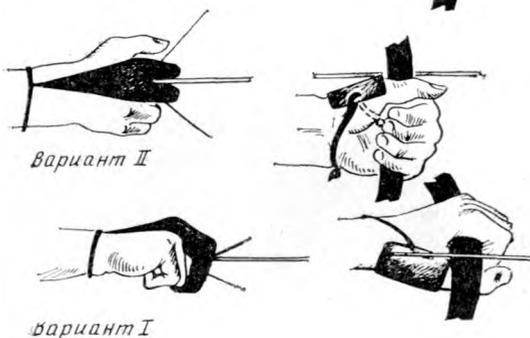


Рис. 1. Способы захвата тетивы

зверя... на крупного же зверя, а иногда на лисицу, выдру употребляется сторожевой лук.... На птицу употребляют главным образом ловушки»¹⁹.

Возможно, ручной лук относительно мало использовался и охотниками-якутами. Об этом свидетельствуют некоторые особенности культа «хозяина леса»²⁰.

Параллели между развитием лучного дела у народов различных регионов Сибири, в том числе Северо-Востока, наблюдаются и в отдельных аспектах техники (способах) стрельбы — захвате.

На сходство техники стрельбы из лука у различных народов земного шара, включая Сибирь, ученые обратили внимание еще в конце XIX в. Один из первых исследователей этой проблемы Д. Н. Анучин вслед за американцем Е. Морзом выделял три основных способа положения руки со стрелой на тетиве, назвав их: «первобытный», «монгольский» и «средиземноморский»²¹ (рис. 1). Первый способ применяли народы тропической зоны — «первобытные народы» (по терминологии XIX в.); второй — обитатели степной зоны Евразии, Дальнего Востока, Кореи; третий употреблялся в древности жителями Средиземноморья, а в XIX в. был выявлен Д. Н. Анучиным еще в некоторых районах

¹⁹ Шатилов М. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района//Тр. Томского краеведческого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 162—163.

²⁰ Глинский Е. А. Культ «хозяина леса» у якутов и пассивная охота//Годичная научная сессия Ин-та этнографии АН СССР. Краткое содержание докладов. Л., 1985. С. 42—43.

²¹ Анучин Д. Н. О древнем луке и стрелах//Тр. V Археологического съезда в Тифлисе. М., 1887. С. 320—383; см. также: Вейли Карл. Элементы человеческой культуры. М.; Пг., 1923. С. 77—87; Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981. С. 116—120. Рис. 82—86, 90—91.

земного шара, в том числе в Северной Сибири. При двух последних способах на руку, державшую древко лука, надевали специальные защитные приспособления.

Позднее точку зрения Д. Н. Анучина поддержали и развили другие исследователи²². Но как и Д. Н. Анучин, они прежде всего выделяли положение руки на тетиве — захват.

Д. Н. Анучин считал, что «средиземноморский» способ существовал только при вертикальной фиксации древка, но по литературным данным известно, что древко иногда фиксировали и горизонтально, сохраняя «средиземноморский» способ захвата. Различие фиксации важно, так как оно ведет к разным способам прицеливания и стрельбе: «прямой наводкой» и «настильной», т. е. должно отражаться на дальности полета и убойной силе стрелы. Но в обоих вариантах, как того и требует данный способ, на одну руку надевали перчатку особой формы, на запястье другой руки — специальный щиток. Перчатка защищала пальцы при натяжении тетивы, а щиток — основание большого пальца руки, державшей древко лука, от обратного удара тетивы.

Перчатки лучников народов Сибири в очень небольшом количестве имеются в коллекциях крупнейших этнографических музеев нашей страны — Музее антропологии и этнографии АН СССР и Государственном музее этнографии народов СССР. Сохранились долганская²³ и чукотские перчатки²⁴ (рис. 2, 3). В коллекционных описях очень четко определено функциональное назначение перчаток. Долганская: «Двуперстная ровдужная перчатка, имеющая вид напалечника. Со стороны ладони напалечник закрывал две фаланги пальцев»²⁵. Она надевалась на правую руку. Отметим, что к долганским перчаткам близка по форме перчатка современного спортсмена — стрелка из лука.

Совершенно иной крой, судя по имеющимся образцам, имели чукотские перчатки. Чукотские лучники при стрельбе в отличие от долганских надевали перчатки на обе руки. В коллекционном описании, составленном Е. Н. Орловой, указано: «Перчатки из оленьей ровдуги, правая имеет пять пальцев и употребляется при стрельбе из лука как защита от ударов тетивы, левая перчатка имеет три пальца»²⁶. Это описание нуждается в некотором пояснении. От обратного удара тетивы обычно страдает рука, держащая древко лука, следовательно, в отличие от долган чукчи осуществляли захват тетивы левой рукой. Помимо замечания Е. Н. Орловой об этом свидетельствует и сама форма левой перчатки, соответствующая «средиземноморскому» способу захвата.

По материалам И. С. Вдовина²⁷, у коряков и чукчей в конце XIX в. такие перчатки уже полностью вышли из употребления в связи с исчезновением лука, но сохранились в качестве атрибута погребального костюма мужчины. Корякское название перчатки для покойного на карагинском и алюторском диалектах — *ырытку-сэмынгылын* — И. С. Вдовин переводит как «перчатка для стрельбы из лука». Перчатка особой формы — со срезанными на большом и указательном пальце напалечниками — надевалась на руку покойного и у эвенов Магаданской обл.²⁸ К сожалению, неизвестно, на какую руку она надевалась. Трехперстные перчатки были зафиксированы у чукчей В. Г. Богоразом: «При вспарывании груди и живота у трупа ближайший родственник покойного наде-

²² Bogoras W. The Chukchee. I. Material Culture. N. Y., 1904. P. 155; Ухтомский Д. Чукотские стрелы//Ежегодник Русского антропологического общества. 1913. Т. IV. С. 105—106; Врядий В. П. Сибирские музеи и их оружейный отдел. СПб., 1910. С. 6; Попов А. А. Охота и рыболовство у долган//Памяти В. Г. Богораза. Л., 1937. С. 156—157.

²³ Коллекция МАЭ № 4128-344. Собиратель А. А. Попов.

²⁴ Коллекция ГМЭ № 4856-42, 43. Собиратель И. Л. Сокольников.

²⁵ См. коллекционную опись МАЭ № 4128-344.

²⁶ См. коллекционную опись ГМЭ № 4856-42, 43.

²⁷ Приношу И. С. Вдовину благодарность за сообщение очень редкой и ценной информации, использованной при работе над настоящей статьей.

²⁸ Попова У. Г. Эвены Магаданской области. М., 1983. С. 131.

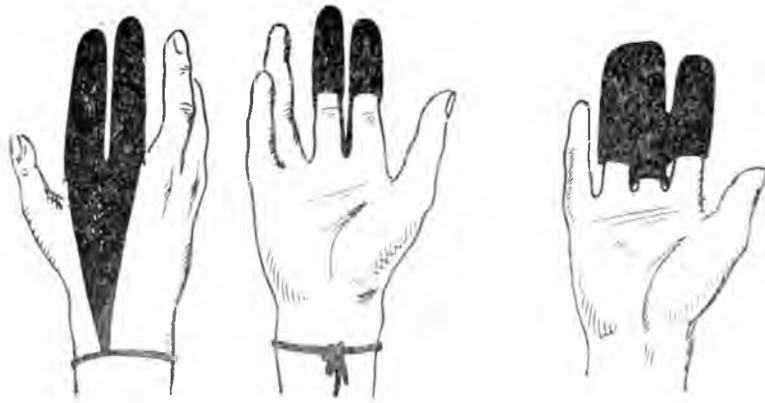


Рис. 2. Долганская перчатка лучника (МАЭ, coll. № 4128-344) и современная спортивная перчатка



Рис. 3. Чукотские перчатки лучников (ГМЭ, coll. № 4856-421_{1,2}; 431₁₋₂)

вает перчатки специальной формы. Эти перчатки имеют три пальца»²⁹. Особая форма перчаток наводит на мысль о том, что здесь применялись перчатки стрелков из лука. Следовательно, они имели и культовое значение.

Резкое различие между формами долганской и чукотской перчаток, возможно, свидетельствует о разных путях их возникновения, несмотря на единый «средиземноморский» способ стрельбы.

На правую руку при «средиземноморском» способе стрельбы надевался специальный щиток. Такие щитки имеются в северосибирских коллекциях МАЭ и ГМЭ, они неоднократно публиковались. Но отметим, что специальных работ, посвященных их изучению, нет, за исключением сильно устаревшей работы С. Вайсенберга³⁰.

²⁹ Богораз В. Г. Чукчи. Л., 1939. Ч. II. С. 188.

³⁰ Weisenberg S. Ueber die zum mongolischen Bogen gehörigen Spannringe und Schutzplatten. Wien, 1895. S. 50–55.

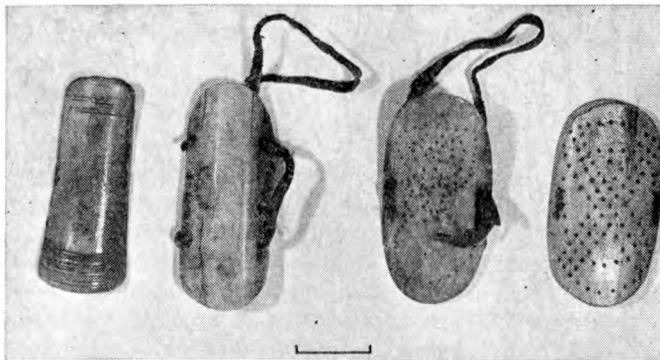


Рис. 4. Наручные щитки (мансийский—ГМЭ, колл. № 1710-70; ненецкий — ГМЭ, колл. № 1712-15; хантыйский — ГМЭ, колл. № 4047-71; эскимосский — из материалов автора статьи)

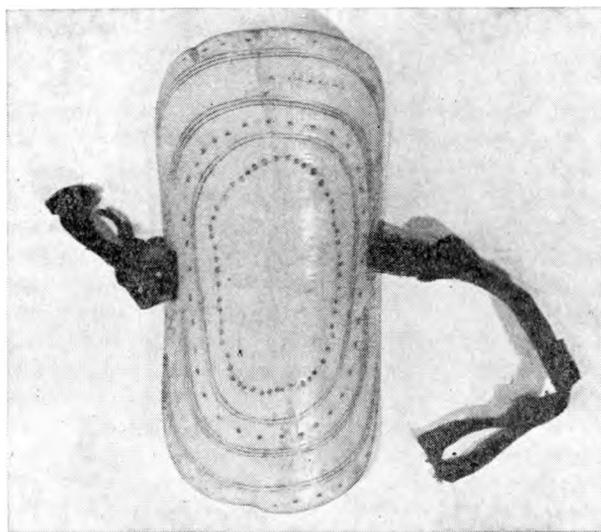


Рис. 5. Наручный щиток чукчей (ГМЭ, колл. № 4859-51)

В музейных собраниях представлены щитки эскимосов, чукчей, коряков, ненцев, долган, хантов, манси и других народов Севера (рис. 4—5). В основном их можно датировать XIX в. Они изготавливались из самых различных материалов — металла, кости, рога, камня. Размеры щитков колеблются от 10,5 до 7,5 см в длину и от 5 до 3,5 см в ширину.

По своей форме щитки варьируют от каплеобразных у долган до округло-овальных у манси, но в основном они все имеют вытянутую прямоугольную форму. Щитки у долган и манси — крайние варианты такой формы. Щитки крепились на руке с помощью завязок, для которых делались отверстия. Отверстия могли располагаться следующим образом: 1) две пары двойных отверстий по углам щитка; 2) две пары отверстий, расположенных чуть ниже и выше центральной линии щитка; 3) одна пара отверстий (по центральной линии); 4) одно двойное отверстие и одно одиночное отверстие по краям щитка (по центральной линии) (Рис. 6).

Назначение такого количества отверстий для завязок было бы непонятно, если бы на нескольких музейных экспонатах не сохранились ремешки. И здесь наблюдается очень интересная закономерность. У народов Западной Сибири завязка представляет собой петлеобразный ремешок, как бы шнурующий щиток и проходящий от отверстия к отверстию. Такой способ «шнуровки» образовывал две петли — меньшую и

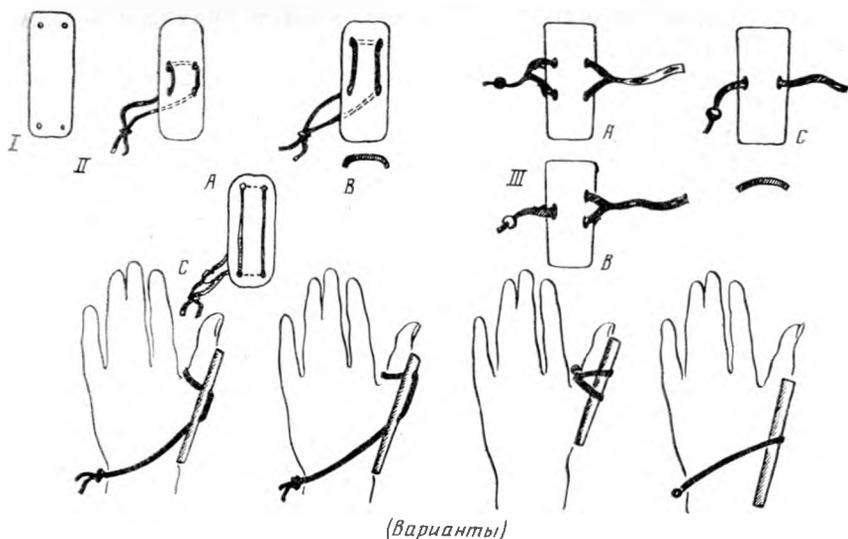


Рис. 6. Типологическая таблица щитков и способов надевания их на руку: I — Западная и Центральная Европа, культура колоколовидных кубков (по Г. Чайлду); II — Западная и Центральная Сибирь; III — крайний Северо-Восток Сибири

большую. Меньшая петля надевалась на большой палец руки, большая — на запястье.

Иначе надевался щиток у народов Северо-Востока Сибири, несмотря на то что система отверстий на щитке была такая же, как и у народов Западной Сибири. У чукчей и коряков к каждому длинному краю щитка крепился отдельный ремешок, один из них был длиннее, другой короче. На первом было прорезано два отверстия, на втором имелась застежка. Наличие двух прорезей на длинном ремешке позволяло регулировать размер диаметра петли. Поэтому были возможны только два варианта крепления щитка на руке: петля большего диаметра обвивала кисть руки, меньшего — основание большого пальца.

И здесь возникает вопрос: почему у народов Северо-Востока Сибири щиток крепился, образуя одну точку опоры? Ведь крепление на основание большого пальца и кисть руки, как у народов Западной Сибири, прочнее. Кроме того, если к каждому краю щитка крепился особый ремешок, то зачем надо было делать в щитке две пары отверстий, разрезать конец ремешка и сшивать его после того, как он был продет сквозь отверстие? К тому же, наряду со щитками с двумя парами отверстий у народов Северо-Восточной Сибири бытовали и щитки с одной парой отверстий. В последнем варианте система крепления с индивидуальными ремешками более рациональна. При этом отметим, что на территории Западной Сибири щитки с одной парой отверстий не встречаются.

Единственно возможное объяснение мы видим только в предположении о заимствовании щитков народами Северо-Восточной Сибири у жителей Западной Сибири. И, заимствовав щиток, сохранив его форму, жители Северо-Востока Сибири изменили способ завязывания, по-видимому, приспособив его к собственным способам соединения сыромятных ремней.

Очень часто лицевые стороны щитков украшены геометрическим нарезным орнаментом в виде параллельных линий, точек, овалов и т. д. Орнамент подчеркивает форму щитка и фактуру материала. Отметим, что семантика орнамента щитков во всем северосибирском регионе почти не исследована, об этом очень кратко писал только С. В. Иванов³¹.

³¹ Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л., 1963. С. 175—176. Рис. 104—105.

Семантика орнамента народов Чукотки, хотя и привлекает внимание исследователей, изучена мало³².

Попытаемся проследить историю этих щитков в Северной Сибири.

Вероятно, в связи с тем, что большая часть средневековых памятников Северной Сибири еще не изучена, такие щитки здесь пока не обнаружены, за исключением территории крайнего Северо-Востока Сибири и Аляски, где археологические раскопки ведутся планомерно. Они датируются первыми веками II тыс. н. э. Нет данных, позволяющих «удревать» эту дату для всей Северной Азии, хотя такие попытки были. Так, А. А. Гаврилова опубликовала найденный предмет из могильника Кудырге (VI—VIII вв., Алтай), который она приняла за щиток, но А. Н. Семенов убедительно доказал, что это часть ножен³³.

Отметим, что подобные щитки известны и в Европе начиная с эпохи бронзы. Они обнаружены в так называемой культуре колоколовидных кубков, распространенной в эпоху ранней бронзы на территории Центральной Европы и Западного Средиземноморья. Тогда щитки изготавливались из камня; отверстия для ремешков размещались по углам³⁴.

У народов Западной Европы, прежде всего жителей лесной зоны, такие щитки сохранились на протяжении тысячелетий и лишь с развитием огнестрельного оружия потеряли свое боевое назначение³⁵, применяясь как элемент экипировки спортсменов-лучников, которые и по сей день употребляют только «средиземноморский» способ стрельбы. Отметим, что в Западной Европе такой щиток закрывал внутреннюю сторону руки чуть выше запястья³⁶. У народов Северной Сибири и Восточной Европы щиток, как уже говорилось, защищал основание большого пальца. Откуда такая разница? Из-за различной постановки рук при стрельбе или из-за того, что руку защищала одежда? Пока неясно, как неясно и само появление и распространение щитков в Северной Сибири и на сопредельных территориях Восточной Европы. А. Ф. Медведев составил сводку подобных находок в Восточной Европе³⁷. В нее не вошел еще один щиток из Саркела — Белой Вежи³⁸ и два из Радонова городища³⁹. Всего найдено 11 щитков, также датируемых концом IX—XIV в.

Обращает на себя внимание сравнительно небольшое количество щитков, особенно в таких хорошо изученных памятниках, как Новгород. Это наводит на мысль об их чужеродности для местной материальной культуры, их привнесенности в результате торговых, военных и иных контактов.

Как уже говорилось, у северосибирских народов способ стрельбы (захват) относят к так называемому «средиземноморскому». Изобретенный, вероятно, в эпоху бронзы, этот способ со временем распространился по всей лесной зоне Евразии, дойдя до Северо-Востока Сибири. В Северной Сибири он существовал в двух вариантах: «классическом», когда стреляли из вертикально зафиксированного ручного лука, и в другом, вероятно, характерном только для народов Северной Сибири, когда древко ручного лука держали горизонтально. От способа стрельбы

³² См. *Бронштейн М. М.* Типологические варианты древнэскимосского графического орнамента (к проблеме этнокультурной истории Берингоморья в I тыс. до н. э.—I тыс. н. э.)//Сов. этнография. 1986. № 6. С. 46—58.

³³ *Семенов А. Н.* Восстановление кудыргинских ножен древнетюркского времени//Сб. Гос. Эрмитажа. Л., 1985. № 50. С. 35—38.

³⁴ *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М., 1952. С. 302. Рис. 108; *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. М., 1974. Табл. на с. 98. Рис. 31.

³⁵ *Винклер А. П.* Оружие. СПб., 1894. С. 214—215. Рис. 306.

³⁶ *Sangmeister E.* Zwei Neufunde der Glockenbecherkultur in Baden-Württemberg//Fundberichte aus Baden-Württemberg. Bd. 1. Stuttgart, 1974. Abb. 1. S. 104—105.

³⁷ *Медведев А. Ф.* Указ. раб. С. 25. Рис. 4—5. Табл. 10; *его же.* Оружие Новгорода Великого//Материалы и исследования по археологии СССР (далее — МИА). М., 1939. № 65. С. 148. Рис. 11, 1, 2.

³⁸ Коллекция Первобытного отдела Гос. Эрмитажа. Раскопки М. П. Артамонова. 1951. Инв. № 51/СП 1365.

³⁹ *Талицкий М. В.* Верхнее Прикамье в X—XIV вв.//МИА. М., 1951. № 22. С. 46—48. Рис. 15, 2.

зависели и типы защитных приспособлений, в данном случае щиток и перчатка. К сожалению, материалов, позволяющих исследовать их, очень мало. Отметим, что щиток как на территории Северо-Востока Сибири, так и всей Северной Сибири и Восточной Европы появляется очень поздно, в начале II тыс. н. э. С чем это связано? Ответа на вопрос пока нет. Приведенные данные, как мы считаем, ставят под сомнение точку зрения Г. Коллинза, согласно которой щитки в это время здесь появляются автономно, вместе с распространением сложного лука⁴⁰. Но Г. Коллинз не мог знать, что именно тогда щитки проникают в Северную Сибирь и Восточную Европу. Да и сложный лук на Северо-Востоке Сибири стали применять в более раннее время⁴¹. Вероятно, щиток, а следовательно, и способ стрельбы начали распространяться одновременно по Северной Сибири и Восточной Европе в конце I — начале II тыс. н. э. Причины этого явления пока загадочны и нуждаются в дальнейшем исследовании.

Все перечисленные особенности техники стрельбы из ручного лука не позволяют считать его основным охотничьим орудием на сухопутного зверя не только в Северо-Восточной, но, вероятно, и во всей Северной Сибири.

⁴⁰ Collins H. B. *Archaeology of St. Lawrence Island Alaska*//*Smitsonian Miscellaneous Collection*. Washington, 1937. V. 96. № 1. P. 223—224. Точку зрения Г. Коллинза поддерживают и советские исследователи. См., например, Руденко С. К. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л., 1947. С. 81.

⁴¹ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М., 1975. С. 18. Рис. 7; Глинский Е. А. Лук и стрелы народов крайнего Северо-Востока Сибири как историко-культурное явление: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. С. 7.